

Община Св. Великомученицы Екатерины ПРИХОДСКОЙ ЛИСТОК № 8-2007 (25)

К 116-й годовщине со дня рождения мученицы, монахини Марии (Скобцовой) эссе матери Марии ХРИСТИАНСТВО

“Розовое христианство” - где оно это розовое христианство?

У христианства нет цвета, потому что раскалённая до бела сталь не имеет цвета и на неё даже нельзя смотреть, чтобы её цвет определить.

Христианство, как раскалённая сталь, вонзается в сердце и испепеляет его. И тогда человек вопит: “Готово моё сердце, готово!”

И в этом всё христианство.

Но есть бесчисленные подмены христианства. Есть например, религия “благоденственного и мирного жития”, это как бы гармоничное сочетание правил с бытом. Сердце не испепеляется, а млеет в час богослужения. Свет не слепит, а ласкает. Что же? Может быть, блаженны млеющие, блаженны обласканные, мирные и безмятежные....

Христианство неким огромным болидом, упало на нашу планету и раскололо её на две части.

Христианство падает в душу каждого человека, каждой нации, каждой эпохи и раскалывает их на две части. Одна часть спокойно продолжает жить как раньше жила, а другая начинает гореть. И эта горящая душа заполняет всё вокруг себя как зараза, как пожар, как поток, как печь огненная.

Раскалённая душа говорит: “Христос меня мучает. Блаженны мучимые Христовой тайной. Блаженно пылающее сердце, потому что оно готово!”

Отсюда всё и отсюда вытекает так неправильно понимаемое Розановым “во Христе мир прогорк” - отсюда растёт монашество, подлинная аскетика, отсюда все бесчисленные наши кресты, тут и встреча лицом к лицу со смертью, тут Христов Крест, Христова Смерть.

Христианин крестится во Христову смерть.

Христианин венчается со смертью.

Христианин живёт всю жизнь рядом со смертью.

ХАРАКТЕРИСТИКА НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Не буду повторять в тысячный раз характеристику нашего времени. Всякому кто не слеп, очевидна его гибельность. Всякий кто не глух, слышит подземные раскаты приближающегося землетрясения. Но есть в нашем времени одна черта утверждение которой может показаться парадоксом, хотя на первый взгляд многое противоречиво. Парадокс этот заключается в том, что наше безбожное и не только не христианское, а даже скорее материалистическое, нигилистическое, логицированное время - вместе с тем оказывается как бы преимущественно христианским и призванным раскрыть и утвердить христианскую тайну в мире. И этот парадокс доказывается не развитием каких либо христианских направлений, не наличием крупных богословов и не экуменическим движением - а самой сущностью нашей эпохи, с её гибельностью и её обнажённостью.

Какими идиллическими кажутся нам прошлые века. Как прочна и неприкосновенна была в них жизнь, уклад, границы государств, экономический строй, образ управления, мышления, стойкость философских систем, неторопливый темп жизни, прочность профессий, налаженность и крепость семей, святость и неприкосновенность частной собственности, мощь церковного организма...

Трёхмерное пространство казалось неразрушимым, а законы природы отрезали все пути чудесам. Прогресс эволюции медленно катил свои возы в гору, к общедоступному счастью, к точно вымеренной справедливости, к расчётливому братству человечества. Эта языческая жизнь зачастую проникала то в грубой, то в утончённой форме и в христианское сознание.

Но вот в наших домах зашаталась и упали стены и за ними оказались не знакомые улицы, к которым мы привыкли, а необъятный пустырь, по которому разгуливают все ветры вселенной. Жизнь оказалась короткой, непрочной и не очень дорого стоящей, а границы государств покоробились и сместились, воздушные замки рухнули и на человеческую душу нахлынул первобытный хаос. Вместо самоуверенности нашей жизни и верности, в судьбу к нам ворвалась смерть. Смерть сделала нас дальнзорче, прозорливее, смерть стёрла все узоры и причудливые рисунки жизни и заменила их простым и единственным рисунком КРЕСТА.

Человечество проснулось и оглядываясь, с удивлением видит, что оно находится на Голгофе. И Голгофа постепенно становится единственным местом, в котором может находиться человеческая душа, потому что остальное обличено, нереально, призрачно и недостаточно серьёзно.

Эпоха, когда человечество стоит у подножия Креста, эпоха когда человечество дышит страданиями и когда в каждой человеческой душе образ Божий унижен, задушен, оплёван и распят, - это ли не христианская эпоха!

Бывают времена, когда можно быть глухим и слепым, но сейчас человек не может не слышать и не видеть. Язычество чувствует, как сгорают его рукотворные идола, оно напрягает последние силы и воздвигает новых божков. Наступает грозное утро, кто знает может быть последнее утро в истории человечества и кто сейчас не проснётся, тому уже не хватит времени... мучительное, пытающее, освобождающее утро. В его свете ясно виден вознесённый над миром Крест. Человек распинается на Кресте. Это ли не христианское время?

Иллюзии сгорают, сгорают языческие боги и как мал перечень того, что остаётся. Остаётся человеческий путь, крестный путь. Остаётся смерть, жизнь, любовь и честная правда... всё остальное сгорает. И в этот пожар проникают недра нашего существа, выжигая в них языческие навыки и верования.

* * *

В прочном языческом мире вчерашнего дня христианство испытало на себе огромное влияние языческой атмосферы. Веками тянулся медленный процесс, крепкий полуязыческий быт внедрялся в христианскую Церковь, ритуал являлся мёртвым регистратором давно забытых порывов. Но, конечно, дело тут не в постных кулебяках и не в обязательности формально воспринимаемых Таинств. Дело глубже и в гораздо более тонких соблазнах, которые насквозь пронзили христианское сознание, врезались в самый центр христианства, разложили его человеческую сердцевину.

Мне хочется привести самый поразительный пример. Я буду говорить о монашестве. Мне даже совсем не важно упомянуть о фактах полного языческого извращения, которое можно было наблюдать в монашестве и что истинный смысл его был подменяем самым неприкрашенным и открытым служением миру сему.

Добросовестному и любящему взору ясно, что не этими извращениями определялось монашество. Даже то, что поднимался вопрос о введении в монашеские обеты 4-го не пить (!!!) - может быть и является знаменем упадочного времени. Хотя по существу не характеризует основного русла монашеской жизни.

Существует довод, когда обвиняют и отвергают возможность в православии иметь активное монашество. Говорят, что православное монашество не активное, а созерцательное. Мне думается, что это неверно! Во всяком случае это не так если говорить и применять это к последним векам существования православного монашества. И важно, что неверно такое двучленение монашества, на активное и созерцательное, а, что правильнее было бы говорить о трёхчленном делении.

Монашество отрешённое, созерцательное — всегда существовало, но по его пути идут единицы. Только в редкие эпохи огромного напряжения они могут определить собою целое течение (пустынников, столпников, молчальников) Напряжение проходит, огонь гаснет и продолжают идти этим путём единицы, особо призванные.

Монашество активное, обращённое к миру, в нём в последние века было чрезвычайно мало представителей. Было бы неправильно определять его как некую погружённость в стихию мира и прикосновение к христианской суете. Может быть именно в таком монашестве особенно сильно ощущение, что мир во зле лежит. А какой мир?

Богом созданный, тот мир, который так возлюбил Господь, что отдал Сына своего едиnorodного за грехи этого мира на смертную муку. И может быть это активное монашество, обращённое к миру идёт по этому пути, потому что любит этот Божий Мир, образ Божий человека, прозревает его в грехе и гное исторической действительности.

Как в созерцательном монашестве, так и в этом, центральная установка на вечность. Преодоление временного, Богообщение или непосредственное подлинное человеко-и миро-общение. И то и другое монашество только тогда достигает своего развития и подлинной высоты, когда ориентировано на Апокалипсис! И на эсхатологию, на грядущее царство Христово, когда тут не только свою пустыню и пещеру, но и свои странноприимные дома, когда не бояться произносить молитву первых христиан “Ей, гряди, Господи Иисусе”.

Призрачность мира обличена. Томящийся в смертной немощи образ Божий в человеке вызывает пламенную любовь, готовность к сужению и к жертве. Монах отдаёт себя без остатка на эту жертву, отрекается от себя, от стяжания своего, от своего куска, от благополучия, от устройства собственной души, от образа мирской жизни. И в этом глубокий смысл монашеского обета нестяжания. Нельзя думать, что вступая на этот путь человек отказывается только от какой-то мечты материальных богатств, от сребролюбия — это само собою разумеется. Но этого мало, более того он становится сором для мира, он отрекается от стяжания, стягивания своего духовного мира в единое целое. Он не хочет стяжать своего “Я” и чем выше он тем более он оказывается слугою и на службе. Его дух, его святая святых, его молитва, весь он до конца хочет быть лишь орудием в руке Божией и кирпичиком в Божием строительстве.

Идолападают, сгорают, идолаплотской похоти, чревоугодия, сребролюбия, культа своей семьи, своего искусства, творчества, надежды на свой путь и благополучие, благолепие образа жизни - всё обличено. И сам человек - яко трава, дни его - яко цвет.. Ничего нет кроме ЛЮБВИ и молитвы “Ей, гряди, Господи, Иисусе”.

Я уже говорила, что на подобном фундаменте апокалиптических и общехристианских настроений могут вырастать оба типа монашества, но не они характеризуют монашество последних веков. То что было в эти последние века, и что может быть неокончательно ушло, так это промежуточный тип, - именуемый общежительным монашеством. Он уводит человека от мира с его грехом и скорбями, он окружает человека белыми стенами, но он не доводит его до пустыни, до пещер, до одинокого стояния перед Богом.

Есть одна точная параллель этому монашескому типу в светском мире, - это семья.

Как ни странно в просторечии мы часто слышим, что перед человеком стоят два пути - семья и монашество. И выходит, что как бы один может подменить другой путь. Но по существу это совершенно неверно.

Монашество упирается в эсхатологию, а семья вырастает на природных и подзаконных корнях материального мира. Обед целомудрия приводит в монашество в подавляющем большинстве своём людей не имевших семьи, не строивших личной жизни, не увидевших того, что эта личная жизнь никак с Апокалипсисом не может совпадать.

В основе семьи лежит также чрезвычайно сильный инстинкт, - это завивание гнезда, организация и строительство своей собственной жизни, часто отделённой стенами от мира, замкнутого на крепкие засовы. Человек строит "образ жизни, и печётся не только о её материальном благополучии, но и о нравственной чистоте, о внутреннем благолепии. Семейный человек ограждает свою ячейку от внешней грязи, от всякого засорения, он её охраняет и утверждает в ней своё личное семейно-коллективное и противопоставляет всякому внешнему "они". И вот странность, люди искренне принимающие обед целомудрия, отказываются от одной части того, что

заставляет других строить семью: они не примут плотской любви, ни деторождения, - но они принимают всё другое, что связано с семьёй, с духовной семьёй с "образом жизни".

Они тоже стремятся за высокие стены, куда бы не проникала грязь и скорбь мира, они строят некую духовную семью и ограждают её и берегут от всякого посягательства, как святыню. Они много работают и человек отрекается от своих личных выгод во имя общего, он приносит жертвы... минутами трудно поднять руку и возвысить голос на столь прекрасную идею такой монашеской семьи и на благолепие в светлом монастыре. И внутренний голос зовёт нас к нестяжанию в этой области.

Бывают времена, когда сказанное не может быть очевидным и ясным, потому что сам воздух язычествует и соблазняет нас идоловыми чарами!

Хочется возопить: пустите за ваши белые стены беспризорных воришек, разбейте ваш уставной уклад вихрями внешней жизни, унижитесь, опуститесь, умалитесь... И как бы не умалитесь и как бы не опускались, разве можете сравниться с умалением, с самоуничтожением Христа! Даже на Голгофе, не на позорном Кресте, а в Вифлеемских яслях, когда Ангелы пели "Слава в вышних Богу". Так примите же обет нестяжания во всей его опустошающей суровости, сожгите

всякий уют, даже монастырский, сожгите ваше сердце так, чтобы оно отказалось от уюта, - а тогда скажите - "Готово сердце моё, готово". Да, бывают времена, когда сказанное не может быть очевидным... и сам воздух язычествует.

Но наше-то время оно действительно христианствует и в самой своей страдающей сущности.

Оно разрушает всё прочное, всё устоявшееся в наших сердцах, освященное веками... и поэтому нам дорогое. Оно помогает нам действительно и до конца принять не "образ жизни", а "безобразие" жизни. Принять не монастырские стены, а полное отсутствие самой тонкой перегородки от мира, от его боли, от устоявшейся жизни. Принимаем смерть и гибель, крест христианства, огонь его, самоотречение и самоотдачу, эсхатологию христианскую, Апокалипсис - принимаем!

В конце скажу, что мне не хотелось бы, чтобы всё сказанное было отнесено исключительно к монашеству и его путям в современном мире. В нём только ярче и резче выступают все противоречия.

Источник: сайт посвященный матери Марии - <http://mere-marie.com>

ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ

Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их. Евр. 13:7.

XX век

Мать Мария (Скобцова) 1891-1945*

ПЕРВЫЕ ДРУЗЬЯ

Елизавета Пилленко — таково девичье имя матери Марии (Скобцовой) — родилась 8(21) декабря 1891года в Риге. Ее детские годы прошли в Анапе, куда после смерти деда переехала семья. В 1906 году после внезапной смерти отца семья переезжает в Петербург, где было много родных и друзей.

Одной такой дружбой Лиза гордилась долгие годы. Ей было лет пять, когда Константин Петрович Победоносцев — обер-прокурор Священного Синода — впервые увидел ее у бабушки, которая жила напротив его квартиры и с которой у них была старинная дружба. Победоносцев очень любил детей и умел, как редко кто из взрослых, понимать их. Даже, когда Лиза бывала в Анапе, ей приходили письма от старшего друга. Пока она была маленькой, письма были попроще, со временем переписка становилась серьезней и нравоучительней. В одном из писем К.П. Победоносцев писал: «Слыхал я, что ты хорошо учишься, но, друг мой, не это главное, а главное — сохранить душу высокую и чистую, способную понять все прекрасное». «Я помню, — вспоминает мать Мария — что в минуты всяческих детских неприятностей и огорчений я садилась писать Константину Петровичу, что мои письма к нему были самым искренним изложением моей детской философии... Помню, как взрослые удивлялись: зачем нужна Победоносцеву эта переписка с маленькой девочкой? У меня на это был точный ответ: потому что мы друзья». Дружба эта продолжалась лет семь. Но наступили трудные годы для России, вначале Японская война, потом события 1905 года, студенчески волнения. «В моей душе началась большая борьба. С одной стороны, отец, защищающий всю эту революционно настроенную и казавшуюся мне симпатичной молодежь, с другой стороны, в заповедном столе письма Победоносцева». И Лиза решила: выяснить все у самого Победоносцева. Не без волнения она пришла к нему и задала один единственный вопрос — «Что есть истина?». Он, старый друг, понял, какие сомнения мучают ее и что делается в ее душе.

«Милый мой друг Лизанька! Истина в любви, конечно. Но многие думают, что истина в любви к дальнему. Любовь к дальнему не любовь. Если бы каждый любил своего ближнего, настоящего ближнего, находящегося действительно около него, то любовь к дальнему не была бы нужна. Так и в делах: дальние и большие дела — не дела вовсе. И настоящие дела — ближние, малые, незаметные. Подвиг всегда незаметен. Подвиг не в позе, а в самопожертвовании, в скромности...», — таков был ответ Победоносцева. Но в тот момент он не удовлетворил её мятущуюся душу, многолетней дружбе пришел конец. И все же семья упало на добрую почву и дало плод, который взошел и вырос.

В Петербурге, как и во многих крупных городах России в то время зарождалось движение, которое позднее было названо Русским религиозным и интеллектуальным возрождением. Юная, прогрессивно мыслящая интеллигентка явно стремится к поискам абсолюта. В поисках себя, она начинает писать стихи и часто посещает модные салоны. В пятнадцать лет Лиза знакомится с поэтом-символистом Александром Блоком, который посвятил ей стихотворение «Когда вы стоите на моем пути...». В восемнадцать лет она выходит замуж за Дмитрия Кузьмина-Караваева, молодого юриста, который вводит ее в литературные круги. Однако, вскоре Лиза начинает понимать суетность дискуссий, которые ведутся на этих встречах.

В начале 1913 года Елизавета и Дмитрий расходятся. Богемные литературные собрания отходят на второй план, молодая женщина продолжает свой путь в поисках веры. По благословению правящего митрополита Петербургского она, — первая женщина, — посещает богословские курсы при Духовной академии, по окончании которых успешно сдает экзамены.

ГРАДОНАЧАЛЬНИЦА

Когда разразилась революция, Лиза примкнула к партии социал-революционеров. Идеалистические взгляды эсеров, пытавшихся соединить западную демократию с русским народничеством, в тот момент были ближе всего ее настроениям. В 1918году, в разгар гражданской войны, Лиза живет со своей матерью и дочерью

...Ты и тут мои дороги сузил:
«Иди, живи средь нищих и бродяг»,
Себя и их, меня и мир сопряг
В неразруаемый единый узел.

... Мне голос ответил:
«Трущобы, -
Людского безумья печать, -
Великой любовью попробуй
До славы небесной поднять».

Гаяной Кузьминой-Караваевой в Анапе. Как всегда, она находится в центре политических событий. В городе возникает неразбериха с властью, а жизненные проблемы остаются, поэтому, когда начинаются выборы в городскую думу, Лиза принимает в них горячее участие, и ее выбирают членом муниципального совета — ответственной за образование и медицину. Вскоре обстоятельства складываются так, что она становится городским головой. Теперь ей приходится искать выход из самых невероятных ситуаций, которые возникают в связи с трудностями гражданской войны и постоянной сменой власти. Так, при красных она, отстаивая порядок в городе, бесстрашно противостояла матросам-красноармейцам, спасая культурные ценности города. Когда же город захватили белогвардейцы, ее арестовали, обвинив в сотрудничестве с местными советами. Дело было передано в военный трибунал. К счастью, все обошлось двумя неделями домашнего ареста. На благополучный исход судебного дела во многом повлиял Даниил Ермолаевич Скобцов, видный деятель кубанского казачьего движения. Вскоре после суда Елизавета Юрьевна стала его женой.

ЭМИГРАЦИЯ

Красные активно занимали южные территории России, белое движение приходило к концу, делались еще некоторые попытки удержать Юг. Д.Е. Скобцов, продолжавший активную политическую деятельность, как член кубанского правительства, настоял на эвакуации семьи. Елизавета, ожидающая ребенка, ее мать С.Б. Пилленко и дочь Гаяна отплыли из Новороссийска по направлению к Грузии. Путешествие протекало в самых тягостных условиях. К счастью, сын Юра благополучно родился уже в Тифлисе. Через некоторое время, продолжая трудный путь бегства, семья перебралась в Константинополь, где они воссоединились с Д.Е.Скобцовым, а затем в Сербию, где в 1922 году родилась дочь Анастасия. Дети были крещены в один день. Следуя за волной русских беженцев, в 1923 году они перебрались в Париж, ставший столицей русской эмиграции.

Во Франции Скобцовы узнали горькую участь изгнанников, крайнюю нужду, неопределенность положения. Даниил Ермолаевич становится шофером такси. Елизавета Юрьевна, не гнушается никакой работой, найденной по объявлению в «Последних новостях»: «Чищу, мою, дезинфицирую стены, тюфяки, полы, вывожу тараканов и других паразитов, ходила по эмигрантским квартирам, выводила поколения клопов, уверяя, что это творческий подвиг», — рассказывает она.

Тогда же молодая женщина сближается с Русским студенческим христианским движением, участвует в собраниях молодежи, где много и ярко рассказывает о недавно пережитых в России грандиозных событиях, и благодаря своему юмору и дару общения, быстро находит всеобщее признание. В 1926 году она посещает богословские курсы на Сергиевском подворье в Париже, где близко знакомится с выдающимися богословами своего времени. Ее многое связывает с Н.А.Бердяевым, Г.П.Федотовым, К.В.Мочульским и И.И.Фондаминским. К этому времени относится ее духовное сближение с о.Сергием Булгаковым, вскоре она становится его духовной дочерью.

С 1930 она — разъездной секретарь РСХД. Ей доверена работа по оказанию духовной и социальной помощи русским эмигрантам, таким же как она и ее семья, рассеянным по всей Франции. Во время своих поездок по Франции она видит русских

страдающих хроническими заболеваниями, туберкулезных, спившихся, сбившихся с пути. Она посещает дома умалишенных и находит там русских, которые, не зная французского языка, не могут объясниться с врачами. Она понимает все отчетливее, что ее призвание не в чтении блестящих докладов, а в том, чтобы выслушать, утешить, оказать конкретную помощь. В этом ее диаконическое служение. После ее выступлений люди спешат поговорить с ней наедине. Случалось, что перед комнатой, где она вела разговоры, собиралась очередь, как перед исповедью. Но главное, к чему она стремится — это отдать все свои дарования Богу и людям. Так приходит решение посвятить себя Богу через монашество. Ее желание наталкивается на многочисленные препятствия. Для многих православных прошлое Елизаветы Юрьевны, ее политические убеждения, и, особенно, два ее неудавшихся замужества, несовместимы с вхождением в монашескую жизнь. Другие, как Н.А.Бердяев, опасались, что монашеское облачение будет скорее препятствием для осуществления ее собственного призвания. Но митрополит Евлогий (Георгиевский), глава православных русских приходов в Западной Европе, благосклонно принял желание Елизаветы. Он находит и каноническое разрешение: номоканон, признавая и применяя 22-ю и 17-ю новеллы императора Юстиниана допускает развод, если один из супругов жаждет вступить в монашескую жизнь [к тому моменту Елизавета Юрьевна и Даниил Ермолаевич около пяти лет не жили вместе, состоя в фактическом разводе]. Чин пострига произошел 16 марта 1932 года на Сергиевском подворье в Париже, митрополит Евлогий напутствовал ее: «Нарекаю тебя в честь Марии Египетской: как та ушла в пустыню к диким зверям, так и тебя посылаю я в мир к людям, часто злым и грубым, в пустыню человеческих сердец».

МОНАШЕСТВО В МИРУ

Лето после пострига мать Мария проводит в разъездах по православным женским монастырям в независимой в то время Прибалтике. Она возвращается из этого путешествия, убежденная в несоответствии традиционных форм монашества современной исторической ситуации. Ей они кажутся устаревшими, более того, зараженными духом «буржуазности» — антиподом истинного монашеского призвания. Слова евангельской притчи о Срашном Суде мать Мария принимает буквально: «Пустите за ваши стены беспризорных воришек, разбейте ваш прекрасный уставной уклад вихрями внешней жизни, унижитесь, опустошитесь, умалитесь, — и как бы вы не умалились, как бы ни опустошались, — разве это может сравниться с умалением, с самоуничтожением Христа. Примите обет нестяжания во всей его опустошающей суровости, сожгите всякий уют, даже монастырский, сожгите ваше сердце так, чтобы оно отказалось от уюта, тогда скажите: «Готово мое сердце, готово».

ДОМ, ОТКРЫТЫЙ ДЛЯ ВСЕХ

Начало 30-х годов ознаменовалось во Франции суровым экономическим кризисом. Безработица среди русских эмигрантов приняла размеры настоящего бедствия. Мать Мария решила открыть дом, где будет принят как брат и сестра всякий, кем бы он ни был, пока остается еще хоть немного места. Денег на это начинание у нее не было, но беспредельная вера в помощь Божию окрыляла ее. Благодаря поддержке англиканских друзей, она сняла дом на Вилла де Сакс в Париже. Но очень быстро в нем становится слишком тесно, и она перебирается в большой полуразрушенный дом на улице Лурмель в XV округе Парижа. Энергичная монахиня с широкой улыбкой, несколько небрежно одетая в подрысник со следами краски, готовая прийти на помощь любому, кто ее позовет, она быстро становится известной. Среди насельников Лурмель две-три монахини; повар — мастер на все руки; несколько семей, не имеющие средств к существованию; душевнобольные, которых когда-то вывела мать Мария из психиатрических лечебниц. Здесь же находят приют и утешение безработные, правонарушители, бездомные, молодые женщины легкого поведения, наркоманы. Вместе с матерью Марией, разделяя все тяготы повседневных забот, трудятся члены ее семейства: мама — Софья Борисовна, сын Юрий и дочь Гаяна; они помогают ей и в столовой и в церкви, которая была переделана из старого гаража. Церковь была украшена иконами, написанными и вышитыми самой матерью Марией, она прекрасно владела искусством древнего лицевого шитья. В церкви на Лурмель богослужения и требы совершались назначенным приходским священником, это были последовательно сменявшие друг друга отцы: Евфимий (Вендт), Лев Жилле, Киприан (Керн) и Дмитрий Клепинин.

Мать Мария с большой любовью расписала часовню, но в службах участвовала не регулярно. Безмерное количество неотложных дел отвлекало ее. Она сама закупала продукты, для чего отправлялась на рассвете пешком с большим мешком на спине и неизменной тележкой через весь Париж на центральный рынок (Чрево Парижа). Продавцы, знавшие эту странную монахиню, отдавали ей по низким ценам, а зачастую и бесплатно, остатки некоторых не распроданных и скоропортящихся продуктов. Случалось, она всю ночь проводила вокруг центрального рынка, переходя из одного кафе в другое, где, облокотившись о стойку, дремали бродяги. Она быстро распознавала русских, говорила с ними, приглашала их «на Лурмель» чтобы попытаться разрешить их трудности.

Среди всех своих забот мать Мария находит время писать статьи на волнующие ее темы, она опять начала сочинять стихи, и, по примеру героев Достоевского, любит пообсуждать богословские и философские проблемы, часто до глубокой ночи. Религиозно-философская академия, основанная Н.А.Бердяевым, собирается в столовой ее дома на Лурмель, и мать Мария выступает с докладами и принимает самое горячее участие в дискуссиях.

Вспоминает близкий друг матери Марии К.В. Мочульский: «Мать все умеет делать: столярничать, плотничать, малярничать, шить, вышивать, вязать, рисовать, писать иконы, мыть полы, стучать на машинке, стряпать обед, набивать тюфяки, доить коров, полоть огород. Она любит физический труд и презирает белоручек. Еще одна черта: она не признает законов природы, не понимает, что такое холод, по суткам может не есть, не спать, отрицает болезнь и усталость, любит опасность, не знает страха и ненавидит всяческий комфорт — материальный и духовный».

В 1935 году, при активной поддержке друзей-единомышленников, она основывает объединение «Православное дело». Почетным председателем объединения становится митрополит Евлогий. «Православное дело» разворачивает обширную социальную деятельность: создает два общежития для бедных; дом для выздоравливающих туберкулезных больных в Нуази-ле-Гран; на улице Лурмель открывает приходскую школу, курсы псаломщиков, а также миссионерские и лекторские курсы; издает одноименный журнал.

СОПРОТИВЛЕНИЕ

Вторая мировая война в Европе разразилась в 1939, после поражения 1940 года наступила немецкая оккупация. Тяжелые времена, наступивший голод — не застали мать Марию врасплох. С практической хваткой, в которой сказывается опыт прошлого, она не только организует запасы питания, но и устанавливает

контакт с мэрией XV округа, которая берет под свое покровительство дом на улице Лурмель, объявляя его муниципальной столовой, выдает матери Марии продуктовые карточки и сами продукты.

Вскоре начинаются гонения на евреев. Мать Мария ни секунды не сомневается в том, как надо действовать. Она давно предчувствовала опасность гитлеровской идеологии. Теперь она делится с Мочульским: «Нет еврейского вопроса, есть христианский вопрос. Неужели вам непонятно, что борьба идет против христианства?... Теперь наступило время исповедничества».

Дом на Лурмель быстро становится известен как убежище. Там скрывают тех, кому угрожает опасность, для них получают поддельные документы, их переводят в «свободную зону». Мать Мария тесно связана с Сопротивлением. Друзья «Православного дела» составляют список заключенных русских и евреев и организуют пересылку писем и посылок. Отец Дмитрий выдает свидетельства о крещении тем, кто просит. Тем временем ужасы немецкой оккупации продолжаются: в ночь с 4 на 5 июля 1942 года арестованы 13 тысяч евреев и доставлены на зимний велодром, в двух шагах от Лурмель. Мать Мария проникает туда и проводит три дня, утешая подругу-еврейку и помогая добровольцам Красного Креста оказывать помощь больным. В этих невероятных условиях она бесстрашно спасает троих детей, пряча их в ящике для мусора.

8 февраля 1943 гестапо совершило налет на Лурмель и арестовало Юру Скобцова (сына матери Марии, который несмотря на свои 20 лет также активно участвовал в Сопротивлении), отца Дмитрия Клепинина и еще нескольких человек. Матери Марии, которой в то время не было в Париже, дали знать, что ее сын будет освобожден, если она сама явится в гестапо. Когда она пришла туда, ее тотчас арестовали, никого не освободив. По рассказам С.Б. Пиленко, гестаповец Гофман крикнул ей: «Вы дурно воспитали Вашу дочь, она только жидам помогает!», на что Софья Борисовна ответила: «Это неправда, моя дочь настоящая христианка, и для нее нет «ни эллина, ни иудея», а есть человек. Она туберкулезным и сумасшедшим и всяким несчастным помогала. Если бы и Вам грозила беда, то и Вам помогла бы». Мать Мария улыбнулась и сказала: «Пожалуй, помогла бы».

После длительных допросов вся группа была доставлена в форт Романвиль, затем в этапный лагерь Компьен, где мать Мария смогла последний раз увидеть своего сына. Сохранились воспоминания ее союзицы И.Н.Вебстер, невольной свидетельницы этой встречи: «Наутро, часов в пять, я вышла из своей конюшни и, проходя коридором, окна которого выходили на восток, вдруг застыла на месте в восхищении от того что увидела. Светало, с востока падал какой-то золотистый свет на окно, в раме которого стояла мать Мария. Вся в черном, монашеском, лицо ее светилось, и выражение на лице такое, какого не опишешь, не все люди даже раз в жизни преображаются так. Снаружи под окном, стоял юноша, тонкий, высокий, с золотыми волосами и прекрасным чистым прозрачным лицом. На фоне восходящего солнца и мать, и сын были окружены золотыми лучами... Ни мать, ни сын не знали, что это их последняя встреча в этом мире». Из Компьена мужчин отправили в Бухенвальд, а мать Марию в женский лагерь Равенсбрюк.

8 февраля 1944, в концлагере Дора скончался отец Дмитрий. Что стало с Юрой Скобцовым, неизвестно, по всей вероятности, он погиб в газовой камере.

О поведении матери Марии в заключении сохранилось множество свидетельств союзиц, среди которых наиболее яркое принадлежит племяннице Шарля де Голля, Женевиève де Голль-Антоньоз: «На своем тюфяке она устраивала настоящие кружки, где рассказывала о русской революции, о коммунизме, о своем политическом и социальном опыте и иногда, более глубоко — о своем религиозном опыте. Мать Мария читала отрывки из Евангелия и Посланий по 'Настольной книге христианина', которая уцелела у одной из союзиц во время обыска. Она толковала прочитанное в нескольких словах. Подле нее мы молились и порой пели тихим голосом. Мать Мария часто посещала блок русских девушек «солдаток», которые принимали ее с любовью. Она с восхищением рассказывала нам о их мужестве. Быть может, в этих юных лицах она находила лицо своей дочери Гаяны, которая вышла замуж за советского студента и умерла в России».

Одаренная исключительной жизнестойкостью и непоколебимой верой, Мать Мария обладала многими качествами, помогающими выжить даже в ужасных условиях концлагеря. «Всякий в блоке ее хорошо знал, — вспоминает одна из ее приятельниц Жаклин Пейри, — она хорошо ладила и с молодежью и с пожилыми, с людьми разных политических взглядов и с людьми совершенно различных верований. Она нам рассказывала про свой общественный опыт во Франции. Мы ее расспрашивали об истории России, о ее будущем... Эти дискуссии являлись для нас выходом из нашего ада. Они помогли нам восстанавливать утраченные душевные силы, они вновь зажигали в нас пламя мысли, едва тлевшее под тяжким гнетом ужаса».

Наступает весна 1945 года. Эти последние месяцы перед освобождением были очень мучительны. Мать Мария просит одну из союзиц, Е.А.Новикову, запомнить и передать свое последнее послание митрополиту Евлогию и отцу Сергию Булгакову: «Мое состояние сейчас — это то, что у меня полная покорность к страданию, и это то, что должно быть со мною, и что если я умру, в этом я вижу благословение свыше».

Она, столько раз утешавшая других, теперь умолкает. Трудно сказать что-то определенное о кончине матери Марии. Разделенная со своими товарищами по заключению, она была переведена в Югендлагерь и стала жертвой последнего отбора. 30 марта, в Великую Пятницу, мать Мария была отобрана комендантом Шварцгубером «налево» — в группу смертников, среди тех, кто не мог уже передвигаться. По другим свидетельствам, она сама вступила в группу отобранных [вместо другой женщины].

Митрополит Антоний Сурожский в своем Слове о матери Марии сказал: «мать Мария, подобно древнему, многострадальному Иову, не поддавалась соблазну «приписать безумие Богу». Она прожила в разрывающих душу и плоть противоречиях сострадания и ответственного несения своего христианского имени: любовью Любви ради, в умирании ради Жизни, в отдаче своей жизни ради правды Царствия Божия. Ее образ будет становиться светлей и светлей, ее духовное значение будет для нас все возрастать по мере того, как и мы начнем понимать последний смысл Любви воплощенной и распятой».

* Сокращенный вариант статьи Елены ДЕЛОНЕ «Горячее сердце»
Источник <http://nsad.ru>

Крестный путь свидетелей Христовых — явление веры побеждающей мир. Хронология событий от ареста до мученической кончины матери Марии, дополняющая материал статьи, приведена на следующей странице.

1943

7 февраля — мать Мария (далее ММ) приехала к Д. Е. Скобцову в Фелярд (под Парижем) на сутки для отдыха.

8 февраля — Обыск на ул. Лурмель, 77, разгром гестаповцами “Православного дела”. Арестован сын ММ Юрий Скобцов. Вечером ММ узнала об этом.

9 февраля — Возвращение в Париж. ММ и о. Дмитрий Клепинин арестованы гестапо, заключены в пересыльную тюрьму - форт Роменвиль.

9 февраля - 26 апреля — ММ содержится в заключении в Роменвиле. 25 апреля она вместе с другими верующими отпраздновала Пасху.

26 февраля — Ю. Скобцов, о. Дмитрий Клепинин и Ф. Пьянов переведены из Роменвила в Компьень.

26 апреля — ММ в числе других узниц переведена из Роменвила в Компьень. В этот день она последний раз из кузова машины видела Д. Е. Скобцова. В Компьене заключенные женщины провели одну ночь, и ММ удалось случайно встретиться с сыном.

27 апреля — ММ в числе 213 арестованных отправлена из Компьеня в женский концлагерь Равенсбрюк транспортом № 19000.

29 апреля — ММ прибыла в Равенсбрюк (один из барakov на фото ниже) и два месяца провела в карантине.

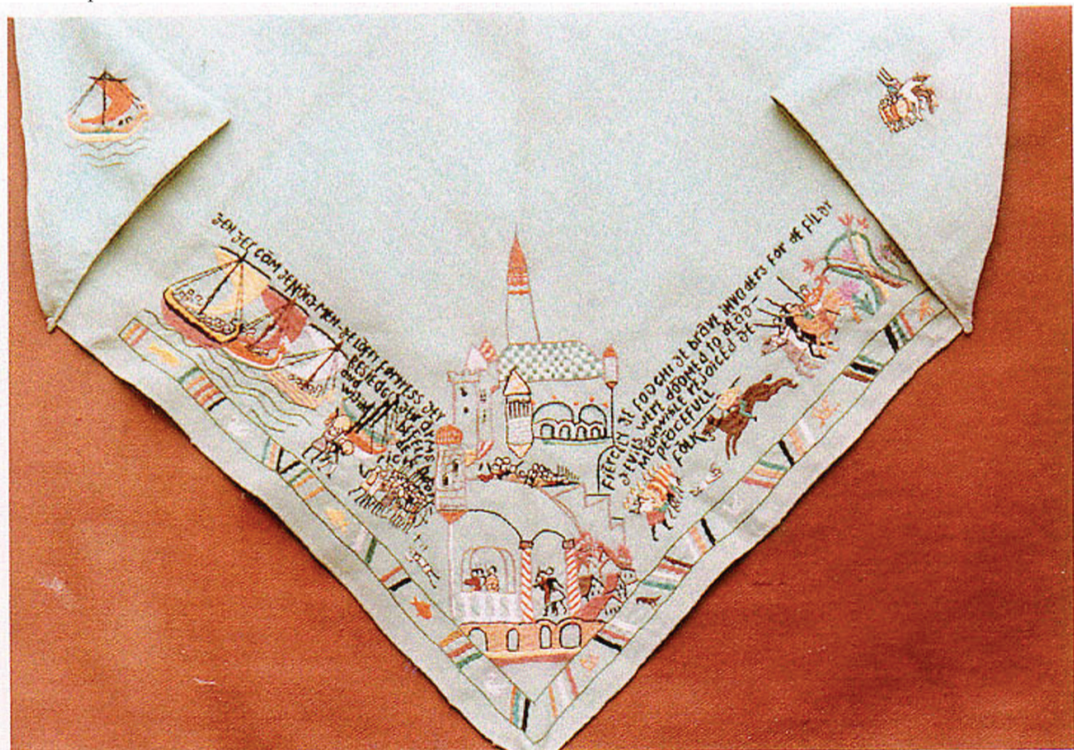
1944

28 января — С. Б. Пиленко получила декабрьскую (1943 г.) открытку от дочери из Равенсбрюка, в которой ММ писала: “Я сильна и крепка” и приписала: “Я стала совсем старухой”.

6 февраля — В концлагере Дора (филиал Бухенвальда) погиб сын ММ Ю. Скобцов.

16 апреля — Праздник православной Пасхи, в ознаменование которого ММ украсила окна своего барака художественными вырезками из бумаги (все виды праздников, в т. ч. религиозных, в лагере были запрещены).

6 июня — Высадка англо-американских войск в Нормандии, открытие второго фронта против Германии. ММ работает над вышивкой на лагерной косынке, посвященной этому событию (на иллюстрации ниже).

1945

10 января — ММ, ослабевшую и больную, переводят в Югендлагерь (1 км от Равенсбрюка, его “филиал”).

3 марта — Оставшиеся в живых заключенные, в т. ч. ММ, возвращены в Равенсбрюк.

30 марта — Изнуренную ММ после “селекции” повторно отправляют в Югендлагерь.

31 марта — ММ - узница № 19263 казнена в газовой камере Равенсбрюка.

16 января 2004 г. Священный Синод Вселенского Патриархата в Константинополе принял решение о канонизации монахини Марии (Скобцовой), протоиерея Алексея Медведкова, священника Дмитрия Клепинина, Юрия Скобцова и Ильи Фондаминского.

ИЗ СТИХОВ МАТЕРИ МАРИИ

Каждая мышца свинцом налита.
Крылья... Но крыльев давно уже нету.
Пасет мою душу бичом суета,
Неистово гонит кругами по свету.

Ничтожная, нищая, ну-ка, пляши,
Оденься в восторги и лги о заветах,
Сегодня покайся, а завтра грехи
И повторяй себя в песнях пропетых.

Каким бы тебя раскаленным клеймом
Достоинно, позорно навеки отметить,
Каким бы сковать твою шею ярмом,
И истрепать на спине твоей плети.

Пригнись. Иль не слышишь - вот Некто идет,
Который не числит даров и не мерит.
Он грех умерщвляет и горе берет,
Безкрылых кидает в надзвездный полет.
Рождается снова в пастушьей пещере.

Не надо усилий. Сама Благодать
Окаменелое сердце растопит.
Я даже не смею его призывать,
Но сам Он призывами душу торопит.

Ты по-разному откинул всех, -
И душа в безлюдье одинока.
Только Ты и я. Твой свет, - мой грех,
Прах мой, - Твое солнце от Востока.

Это все. Зачем еще блуждать?
Никуда не уведут блужданья.
Вес должна я покупать
Полновесным золотом страданья.

Уплатила я по всем счетам
И осталась лишь в свободе нищей.
Вот последнее, - я дух отдам
За Твое холодное жилище.
Бездыханная, гляжу в глаза,
В этот взор и грозный, и любовный.
Нет, не так смотрели образа
На земле бездольной и греховной.

Тут вся терпкость мира, весь огонь,
Вся любовь Твоей Голгофской муки.
И молю: руками душу тронь...
Трепещу: Ты приближаешь руки.

На закате загорятся свечи
Всех соборных башен крутолобых.
Отчего же ведаешь ты, вечер,
Только тайну смерти, жертвы, гроба?
Вечер тих, прозрачен и неярок.
Вечер, вечер, милый гость весенний,
С севера несущий тебе подарок
Тайну жизни, тайну воскресенья.
Страсбург. 1931, весна

Кто я, Господи? Лишь самозванка,
Расточающая благодать.
Каждая царапинка и ранка
В мире говорит мне, что я мать.
Только полагаться уж довольно
На одно сцепление причин.
Камень, камень, Ты краеугольный,
Основавший в небе каждый чин.
Господи, Христос - чиноположник,
Приобщи к работникам меня,
Чтоб ответственной и осторожной
Расточать мне искры от огня.
Чтоб не чуждым благодушьем,
А Твоей сокровищницей сил
Мне с тоской бороться и с удущьем,
С древним змием, что людей пленил.
Гренобль, 1932

Хронология и фото вышивки м. Марии взяты с сайта
<http://mere-marie.com>